

человек-эпоха

САМ О СЕБЕ

Академик
Евгений
ВЕЛИХОВ
Мой путь

Я на валенках поеду в 35-й год

Парето-Принт

Москва
Издательство АСТ

УДК 94(47+57)<19>(093.3)

ББК 63.3(2)6

B27

Все права защищены.

Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

Велихов, Евгений Павлович

B27 Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год / Е.П. Велихов. — Москва:
Издательство АСТ, 2017. — 224 + [16 вкл.] с.: ил. — (Человек-эпоха: сам о себе).

ISBN 978-5-17-096006-4

Книга воспоминаний выдающегося ученого-физика современности и общественного деятеля Евгения Павловича Велихова представляет интерес для широкого круга читателей. Написанные в образной, часто юмористической форме, воспоминания дают представления о Личности, ярко проявившей себя в самых разных, порой остро критических ситуациях, связанных с жизнью нашего государства и мирового сообщества. Особый интерес вызывают воспоминания о встречах с руководителями многих стран, крупнейшими учеными, деятелями культуры и искусства.

УДК 94(47+57)<19>(093.3)
ББК 63.3(2)6

«Издательство АСТ» выражает благодарность типографии «Парето-Принт»
и лично ее директору Павлу Арсеньеву за участие в издании книги.

ISBN 978-5-17-096006-4

© ООО «Издательство АСТ», 2017
© Велихов Е.П., 2016

МОЙ ПУТЬ

Отчаянно много знаю я анекдотов.
Я оброс ими, точно киль корабля
моллюсками...

Максим Горький

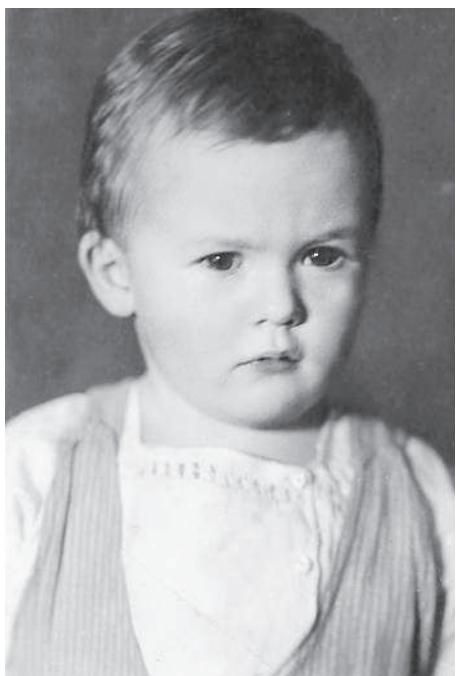
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.

Михаил Лермонтов

~~~~~  
Я НА ВАЛЕНКАХ ПОЕДУ В 35-Й ГОД

Какие-то смутные воспоминания у меня остались лет с трех. Отец был всегда где-то на стройках: строил мосты в Сибири, затем — ДнепроГЭС, Магнитогорск. Маму, к сожалению, помню только по фотографиям, она рано ушла. Жил я в сознательном возрасте в основном с бабушкой, ее матерью, на Лосиноостровской по Ярославской дороге, где отец получил отдельную квартиру в двухэтажном бревенчатом доме на первом этаже. На втором этаже жила семья инженера Рамбиди. Пожалуй, первые яркие детские воспоминания связаны с сыном Рамбиди. Он года на три был старше меня, а в то время это означало — в два раза! Сначала он отнесся ко мне со всем высокомерием своего «преклонного» возраста, но постепенно наши взаимоотношения переросли в дружбу, которая продолжалась более семидесяти лет и очень многое мне дала. Впрочем, тогда наше дружеское общение продолжалось не так уж и долго.

Вскоре, зимой 1938 года, отец отправился на строительство судостроительного завода в Северодвинск (тогда Молотовск), где он отвечал за монтаж металлических конструкций. А мы с бабушкой отправились вместе с ним — за полярный круг на Белое море. Помню деревянные дома, почти по крышу засыпанные снегом. Узкие траншеи, по которым переходили от дома к дому. Елку с какими-то волшебными игрушками из сказочного мира «до революции». А какой вкусной была сгущенка из Америки в большой банке с маленькой отвинчивающейся крышкой. И полярная ночь, которая воспринимается там вполне естественно. Сегодня на очередном юбилее Севмаша я — последний живой свидетель той стройки.



Одна из ранних  
сохранившихся фотографий  
маленького Жени Велихова



Бабушка –  
Евгения Александровна



Папа в Северодвинске  
и брат Веры Николаевны  
(его второй жены) на охоте

Конечно, тогда я был слишком мал, чтобы вникать в детали взрослых трудовых взаимоотношений. Потом обо всем, что там произошло, мне рассказал Николай Прокофьевич Мельников: в качестве проектанта — тогда еще молодого, малоизвестного инженера — его взял с собой отец. Впоследствии мы с ним много общались, дружили. А в последние годы жизни Николая Прокофьевича мы очень близко сошлись в попытке организовать освоение нефтяных и газовых месторождений шельфа. Но это через сорок лет. А пока... Строительная площадка в заснеженной пустыне и звездное черное небо... Полная луна освещает разложенные и подготовленные к монтажу металлические конструкции самого крупного в мире (вплоть до строительства в Хьюстоне цеха для ракеты «Сатурн-5») завода. То ли я в самом деле помню это феерическое зрелище, то ли его подсказывает воображение?

С этой стройки отца чуть не отправили по этапу. Когда строительную площадку увидел секретарь обкома, приехавший на инспекцию вместе со своим гэпэушником, он предложил отца сопроводить в лагерь, который находился здесь же. Ждать трех месяцев, положенных до конца директивного срока, он не хотел. Озабоченность проверяющих можно было понять: на площадке не было главного — кранов и механизмов для установки стальных конструкций цеха. Конструкций немыслимых размеров — высотой в сорок метров, шириной в сто пятьдесят метров и длиной в полкилометра! Да и не существовало таких тогда в СССР... Но отец как-то уговорил его дождаться конца срока. И стальные конструкции были установлены за двадцать пять дней! По предложению Николая Прокофьевича первый пролет подняли, выложив опоры из шпал, а уже стоящий пролет как деррик-кран использовали для подъема следующего... Когда готовый объект принимали, гэпэушник все бегал и стучал по балкам костяшками, не веря, что они — из стали...

Начали готовить документы на первую Сталинскую премию. Когда Николай Прокофьевич пришел согласовывать список, отец попросил его в список не включать. Видимо, он хорошо понимал механизмы работы системы и не хотел лишний раз попадать в ее поле зрения. Дело в том, что его отец, мой дед Павел Аполлонович Велихов — путеец, профессор — числился в Ленинском «списке внутренних врагов», так же как и в «списке неблагонадежных» у царской охранки. В царское время дед сидел в тюрьме один раз, в ленинское — четыре. Однажды он оказался в психушке, возможно, «из медицинских или гуманных соображений». При Сталине Павел Аполлонович Велихов был причислен к так называемой Промпартии и в тридцатом году расстрелян по делу «О вреди-

тельско-шпионской организации в центральном и местном управлении шоссейно-грунтовых путей сообщения СССР». Дело было сфабриковано Ягодой, который в то время возглавлял ОГПУ.

Вскоре опасения отца обрели реальные очертания. Через некоторое время стали сажать тех, кто числился в списке Николая Прокофьевича Мельникова. Он вспоминал, как пришел к отцу посоветоваться уже о самом себе, потому что понял, что и за ним вскоре придут. Отец нашел оригинальный выход из патовой ситуации — выписал ему несколько (подряд) командировок в Москву. Получалось, что Николай Прокофьевич фактически постоянно был в дороге, болтаясь где-то между Москвой и Молотовском. Так полгода он и ездил, пока то ли террор пошел на спад, то ли дело его потеряли.

На заводе заложили два линкора, которые впоследствии так и не были построены из-за войны, но завод сослужил хорошую службу во время ленд-лиза. Николай Прокофьевич рассказал мне по этому поводу интересную историю. После войны на заключительном этапе ленд-лиза он был направлен в США на судостроительный завод, серийно выпускавший эсминцы «Либерти». Ходил, смотрел, восхищался... Директор (или хозяин) слушал его, слушал, а потом говорит: «Что ты мне лапшу на уши вешаешь?! Я специально в войну нанялся в конвой и обошел в Молотовске весь завод. Он на порядок мощнее нашего!»...

Позднее в цеху были построены более ста атомных ракетоносцев. Коллектив выдвинули на Сталинскую премию. Говорят, в конце доклада В.М. Молотов произнес: «Некоторые у нас сидели...» И.В. Сталин ответил: «И мы сидели. Ничего особенного». Дожившим — премию дали.

В тридцать девятом году эпопея в Молотовске благополучно закончилась, и мы вернулись в Москву. Отцу поручили следующий объект — монтаж стального фундамента Дворца Советов.

— Я НА ВАЛЕНКАХ ПОЕДУ В 35-Й ГОД

Теперь немного о корнях. Семья Велиховых происходит из духовного сословия — от настоятеля Смоленского собора. Его дети пошли по инженерной линии. Следующее поколение — Александр Велихов — товарищ председателя Общества железных дорог и председатель Общества частных железных дорог, имел акции и был домовладельцем. Его сын — Лев Александрович Велихов, мой двоюродный дед — стал известным общественным деятелем: сначала членом партии «Освобождение труда», а затем членом кадетской партии Государственной Думы и ЦК партии

кадетов, где он отвечал за муниципальную политику и самоуправление. Он редактировал ряд изданий, в том числе журналы «Городское дело», «Земское дело», и опубликовал несколько своих книг. Самая известная — «Теория городского хозяйства», вышедшая в 1928 году, и до сих пор остается лучшим руководством в этой области. Его статья «О Киевском Съезде деятелей городского самоуправления», опубликованная в газете «Городское дело» за 1913 год, интересная своим анализом гражданского общества в России, получила сомнительную известность благодаря г-ну В.И. Ульянову (Ленину), который в пылу полемики обозвал деда домовладельцем.

Дед не обратил никакого внимания на критику г-на В.И. Ульянова, хотя в духе того же вульгарного марксизма мог назвать его помещиком: в то время он жил за счет имения своей матери. Позднее источники доходов г-на Ульянова, как известно, диверсифицировались, включив в себя средства и других спонсоров: немецкого Генштаба. Кроме того, в числе источников появились доходы, поступавшие от бандитизма через И.В. Джугашвили (Сталина) и др. Но мы немного отвлеклись. Так вот, про деда. Как раз в упомянутой статье дед утверждает, что наличие независимого источника дохода очень важно для независимости самого политического деятеля и возглавляемого им движения, иначе он попадает под контроль одной из двух могущественных бюрократий — бюрократии чиновничества или бюрократии общественных организаций. Этот анализ, на мой взгляд, остается актуальным и сегодня — как в России, так и в мировом масштабе.

Во время Первой мировой дед воевал, участвовал в конных рейдах по немецким тылам, был комиссаром Временного правительства. После революции довольно скоро отошел от политической деятельности и сосредоточился на научной и преподавательской работе в области муниципального строительства и самоуправления. До 1938 года Лев Александрович Велихов жил в Ростовской области, в городе Новочеркасске — «столице» М.И. Платова и П.И. Пестеля — под неусыпным оком ГПУ, НКВД, по декрету В.И. Ленина являясь официальным врагом народа. Так продолжалось до смены кадров в НКВД. В это время в Ростове на горизонте органов появилась новая восходящая звезда с тремя классами образования — товарищ В.С. Абакумов. За неимением лучшей пищи он начал «доедать» старую интеллигенцию, в том числе и моего деда. В тридцать восьмом деда посадили, три года мучили так называемым следствием, и в сороковом он сгинул в северных лагерях. Сведений о его конце в архиве ФСБ найти пока не удалось.



Я НА ВАЛЕНКАХ ПОЕДУ В 35-Й ГОД

Мой дед – Павел Аполлонович Велихов

Мой родной дед Павел Аполлонович Велихов окончил Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге и выбрал в качестве места работы вновь организованный аналогичный институт в Москве. Еще будучи студентом в Санкт-Петербурге, он участвовал в сходках и протестах, оказываясь под надзором полиции. В Москве дед успешно занимался научной, практической и педагогической деятельностью в области мостостроения — прекрасно читал лекции, и студенты его любили. Но продолжающаяся политическая деятельность мешала его академической карьере. К сожалению, таков удел многих талантливых ученых и инженеров в России. Однажды он попал в тюрьму...

Дед вступил в партию кадетов, оказался в составе Московского комитета партии и был избран гласным Московской думы. В дальнейшем он совмещал работу в Московском институте путей сообщения с преподаванием в Московском высшем императорском инженерном училище, где был избран проректором по научной работе. Политикой в советское время дед не занимался, но в публичном обсуждении вопроса о самоуправлении вузов участвовал и в 1921 году был приглашен во Всероссийский Комитет Помощи Голодющим. С этого начались его мытарства по тюрьмам и психушкам. В результате он попал в ленинский «список внутренних врагов» советской власти и подлежал высылке. Однако в момент высылки находился в заключении, поэтому он и его семья остались в России, и в 1930-м его расстреляли, а семья осталась здесь. Несмотря на все напасти, годы работы в советской России дед считал самыми плодотворными. Облик деда в частной жизни лучше всего понятен из личных писем. Его семейная жизнь была довольно своеобразной — он последовательно был женат на обеих моих бабушках. Видимо, он любил их,

и они относились к нему хорошо, как и друг к другу. До последнего часа своей жизни он заботился о них больше, чем о себе. Широко образованный и высококультурный представитель русской интеллигенции Серебряного века, он обладал высокоразвитыми чувствами достоинства, чести и долга. Эти чувства он сумел передать двум своим сыновьям — моему отцу Павлу и его брату Евгению.

~~~~~  
Я НА ВАЛЕНКАХ ПОЕДУ В 35-Й ГОД

Теперь немного о бабушках и об удивительной истории с последовательной женитьбой деда на бабушке по отцу, а затем на бабушке по матери. Мать отца, Вера Александровна, была из богатой купеческой семьи. Ее рано отдали в пансион для благородных девиц. Нравы там были строгие. Даже в старости она просыпалась в холодном поту, когда ей снилось, что завтра — экзамен по математике. Помню, она рассказывала, как, не желая идти на экзамен, она принимала превентивные меры — проглатывала муху, и ее рвало. Игризый нрав бабушки пронесла через всю жизнь, а выпавку сохранила до самой смерти... В старости она шутила: «Сзади я — не введи во искушение, а спереди — избавь от лукавого».

Дед, по-видимому, в юности ухаживал за другой моей бабушкой, Евгенией Александровной, но она предпочла путейца Всеволода Александровича Евреинова — моего деда по матери.

В Гражданскую войну бабушка Евгения с мужем и детьми (моей материю Наталией и ее братом Димой) попали в Екатеринбург. Там дед (Всеволод Александрович Евреинов) умер. Особенно о его смерти в семье не рассуждали, говорили, что умер от тифа. Теперь я думаю, что, скорее всего, он участвовал в Правительстве Колчака и диагноз «тиф» — это всего лишь прикрытие какой-то настоящей причины. Но наверняка никто этого сказать не может. Когда после смерти мужа бабушка Женя с детьми вернулась домой, то вышла замуж за другого моего деда (Павла Апоплоновича). Бабушка же Вера ушла к молодому путейцу. К сожалению, их совместное счастье продлилось недолго: он трагически погиб, спасая из-под паровоза ребенка.

На моей памяти бабушка Вера никогда не выглядела несчастной. Она продолжала жить в одной комнате в громадной профессорской квартире деда, которая превратилась в коммунальную. Семья деда оттуда уехала. Я часто бывал у бабушки в комнате, где на стене остались два пятна от голов отца и дяди, когда они слушали в кровати вечернее чтение. В войну она сдавала кровь и получала паек, в том числе и водку, любила выпить

Всеволод Григорьевич Евреинов,
инженер-путеец – первый муж моей
бабушки Евгении Александровны

Всеволод Григорьевич Евреинов
с сыном – Дмитрием, моим дядей

до самой смерти. Бабушка была очень доброжелательная, и я никогда не слышал от нее дурного слова ни о ком: ни о соседях, въехавших, по существу, в ее квартиру, ни об иноверцах или лицах других национальностей, что не очень обычно для России.

Бабушка Евгения была человеком совсем другого типа. С ранних лет и до ее смерти (в 1952 году) я был практически отдан ей на воспитание. А это как раз типично для России, вспомните бабушку Лермонтова и Пушкина.

Такое воспитание накладывает особый отпечаток на последующую жизнь, особенно мальчика. Евгения Александровна происходила из прибалтийских немцев и характером была похожа, как мне кажется, на княгиню Ольгу или Екатерину Великую. Она много рассказывала и читала мне не только по-русски, но и на немецком языке. В результате в детстве

я говорил по-немецки и читал в том числе и на готическом шрифте. Начиналось все с «Макса и Морица» и сказок братьев Гримм в оригиналe. Я думаю, что детальное знание этих сказок необходимо для понимания немецкого национального духа. Затем были книги Г. Гейне и, конечно, И. Гете — великого безбожника. Бабушка была неверующей и меня так воспитала. В. Ленина и М. Горького она ненавидела, не без основания полагая, что они рассматривали русский народ как навоз для мировой революции. И. Сталина считала великим преступником (как у Н. В. Гоголя). Революцию, по мнению бабушки, организовали евреи. Но антисемиткой не была. Тем более с такой фамилией — Евреинова. К семейной жизни у нее был свой рациональный подход. Секс она отделяла от любви, а любовь — от долга, в том числе и семейного. До войны у нее был молодой любовник из известной семьи Бартеньевых.

Саша Бартеньев был большим любителем техники, он собрал трехколесный автомобиль, на котором мы ездили в Елисеевский магазин за продуктами. По дороге иногда останавливались, собираясь много мальчишек, он ласково гладил их по головкам. Я удивлялся: «Зачем ты их приваживаешь?» Однажды он объяснил: «А чем руки-то вытирать?» Руки у него всегда были в масле...

Как и многие друзья нашей семьи, он был лишенцем из-за социального происхождения, ему не дали окончить вуз. В то время я уже знал, что для русского интеллигентного человека нормально отсидеть в Бутырке, и научился контролировать свое общение с посторонними. Значительная часть внешнего мира стала для меня чужбиной, что не могло не повлиять на психику. Хотя эти обстоятельства никак не воздействовали на патриотические чувства в духе графа Алексея Константиновича Толстого (не путайте с Алексеем Николаевичем).

Евгения Александровна Евреинова

~~~~~
Бабушка Женя

Что же касается отношений бабушки и Бартеньева — они были яркие, но длились недолго. Впоследствии его сестра Наталия Федоровна, которую мы называли «сестрой любовника моей бабушки», рассказывала, что, уже расставшись с Евгенией Александровной и узнав многих женщин, он так и не нашел достойной замены.

Я НА ВАЛЕНКАХ ПОЕДУ В 35-Й ГОД

Очень интересна история рода Евреиновых, моих предков по матери. Недавно совершенно неожиданно выяснилось, что они происходят от выходца из Польши — Матвея Григорьевича Евреинова, бывшего в начале XVIII века первостатейным купцом в Москве и Петербурге. В 1665 году десятилетнего мальчика вывезли в Россию и отдали в услужение купцу гостиной сотни Кириллу Волосатому. В 1668 году по указу Алексея Михайловича он был освобожден, так как обладал феноменальной активностью и предприимчивостью. Вскоре его назначили мещанским старостой и зачислили в гостиную сотню — высшую корпоративную организацию торгово-промышленного слоя феодальной России, имевшую право на землепользование и землевладение. Через несколько лет Матвей Евреинов стал одним из самых богатых купцов в России и в Европе.

При Петре I Матвей Евреинов также был в почете. Петр регулярно заглядывал в его лавки и однажды нашел там мальчишку-калмыка по фамилии Сердюков, забрал его у Матвея и послал учиться в Европу. Позже Сердюков построит Вышневолоцкую систему каналов, соединившую Москву с Питером. Это будет выгодное совместное предприятие.

Сын Матвея Григорьевича, Яков Матвеевич, сделал блестящую карьеру: служил при Петре Великом консулом в Кадиксе, при Елизавете Петровне — дипломатическим агентом в Голландии; с 1753 года — президентом коммерц-коллегии. Именно он 25 июля 1751 года получил высочайшее разрешение на строительство Троицкой фабрики в своем имении.

По предложению Шувалова и с одобрения императрицы Елизаветы Яков Матвеевич взялся за организацию первого в России коммерческого банка, но столкнулся со многими проблемами, главная из них — возврат кредита. Жить в долг в России принято, а с возвратом долгов дело всегда обстояло сложно. Как раз «очень кстати» случился знаменитый Петербургский пожар 1762 года, и Петр III закрыл банк. Когда Яков Матвеевич уже было облегченно вздохнул, произошло непредвиденное: взошедшая на трон Екатерина Великая сочла необходимым банк сохранить. Вину за невозврат долгов возложили на Якова, и он был «отлучен от службы и находился, не быв виновным, в несчастии» уже до конца жизни еще 10 лет. И только Указом Павла I, уже после смерти Якова, долг был списан, а имение в Троицком передано наследникам. Таково было начало банковского дела в России!